

УДК 81`25

ПЕРЕВОДЫ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ: ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ¹

М.В. Оборина

Тверской государственный университет, Тверь

Появление переводов русских текстов в Великобритании всегда было вызвано определёнными объективными потребностями культуры. В частности, переводы фольклора и знаковых, определяющих развитие литературы, авторов приводили к формированию новых институтов в принимающей культуре и направляли её развитие. Проект «Русской библиотеки» – ответ на изменение мирового социально-культурного контекста.

Ключевые слова: *перевод с русского на английский, русская литература, Великобритания, социально-культурный контекст.*

Нынешний, 2015 год, объявленный годом русской литературы, станет первым в реализации грандиозного проекта издательства «Columbia University Press.» Итогом проекта станет 125-томное собрание «Русской библиотеки», аналогичной советскому проекту «Библиотеки всемирной литературы», куда войдут произведения разных жанров и родов литературы. Это будет первое в своём роде издание, посвящённое литературе зарубежной страны в английских переводах.

Так случилось, что последним романом, ставшим сенсацией в англоязычном мире, был «Доктор Живаго» Б. Пастернака, опубликованный на английском через год после присуждения писателю Нобелевской премии в 1958 г. Равнозначной по популярности документальной русской книгой стал «Архипелаг Гулаг» А. Солженицына, вышедший на английском в 1973 г. С тех пор ни один российский писатель не был столь же единодушно признан в англоязычной культуре. Несмотря на непрекращающиеся усилия, направленные на перевод и распространение русской литературы за рубежом, всего 4,5% переводов, выходящих сегодня в США, относятся к переводам с русского, с заметным отставанием от переводов с французского, испанского и немецкого. Это прежде всего означает, что современная русская культура остаётся за кадром и не оказывает заметного влияния на культуру мировую, а многие литературные работы российских писателей не попадают в поле зрения потенциального англоязычного читателя.

«Русская библиотека» обещает изменить эту ситуацию. Среди малоизвестных на Западе работ, которые войдут в число переводов, называют такие разноплановые и разновременные романы, как «Живые и мёртвые» К. Симонова, «Кто виноват?» А. Герцена, «Власть земли» Г. Успенского, книги Ильфа и Петрова, и даже исторические хроники XII в. Из 125 книг, которые войдут в собрание, примерно десятую часть составят признанные классики, доступные во множестве хороших переводов. Так, качество недавнего перевода романа «Анна Каренина» устраивает издателей и потребности в новой вер-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-04-00554 («Русская литература в современном мире: перевод как восприятие и восприятие перевода»).

сии не возникает. Часть переводов будет переделываться или выполняться заново. Планируется выпускать по 10 томов в год, начиная уже с осени 2015, причём не в хронологическом порядке, а так, чтобы заполнить имеющиеся лакуны. Серия прежде всего рассчитана на любителей русской литературы – исследователей, критиков, писателей, любителей чтения. Задумывалось издание пару лет назад, сегодня у него появилось ещё больше сторонников, видящих в нём один из способов выйти из тени холодной войны. В проекте намерены принять активное участие такие издательства, как «Penguin» и «Ardis», специализирующееся на переводах русской литературы.

Осмыслить задачи и возможные стратегии нового грандиозного проекта перевода массива русской литературы на английский язык, поможет обращение к истории переводов русской литературы на английский и той роли, которую они играли и призваны сыграть сегодня в межкультурном взаимодействии и в глобальных литературных процессах.

В истории перевода XIX–XXI веков на первый план выходили разные проблемы – от философско-языковых, эстетических до прагматических и коммуникативных, в зависимости от приоритетов лингвистики и гуманитарных исследований в целом. Перевод существовал всегда как часть этих исследований. Попробуем проиллюстрировать этот тезис обращением к русско-британским культурным связям, отражённым в процессах перевода русской литературы на английский. Интегративный подход к изучению влияния русской литературы на английскую культуру представлен и в сборнике «Россия в Британии, 1880–1940. От мелодрамы к модернизму» [7]. Авторы сборника уделили особое внимание не традиционной литературной критике и роли отдельных представителей научного и культурного сообществ в деле распространения культуры, а роли целых институтов, научных течений и групп, библиотечных проектов, периодических изданий, издательств и иных учреждений культуры.

Остановимся на нескольких примерах того, как перевод литературы (русской литературы) влияет на культурные процессы в принимающей (Британской) культуре.

В XIX в. в образованных кругах Великобритании вспыхнул интерес к фольклору, который отражал стремление восстановить и сохранить мифы собственной культуры, противопоставив их надвигающемуся железному веку индустриализации и урбанизации. В частности, особой популярностью стали пользоваться народные сказки, которые когда-то считались уделом низших слоёв общества. Движение за сохранение национального культурного наследия совпало, и было в значительной мере инспирировано, публикацией сборника сказок братьев Гримм, переведённого почти сразу после опубликования на многие иностранные языки. Перевод, таким образом, не только стал частью движения «к мифологическим корням», но и в значительной степени способствовал созданию самого жанра сказки с «международным сюжетом». На рубеже XIX века британские дети получили в подарок обширную антологию сказок со всего мира. Русские народные сказки всегда представляли собой настоящую сокровищницу для исследователя, прежде всего благодаря своей обширной географии и разнообразию тематического материала. Уильям Ральстон (William Ralston), один из основателей британского фольклорного сообщества,

переводил и редактировал русские сказки для исследователей фольклора, используя их как иллюстрации для обсуждения проблем сохранения и изучения культуры. Изданный им сборник русских народных сказок (1873) был снабжен предисловием, обширными комментариями, индексом и списком источников. В него вошли более 50 сказок, главным образом, из сборника «Народных сказок» А.Н. Афанасьева, которые были переведены «фотографически», и представляли собой репродукцию русских текстов. По собственному признанию Ральстона, он перевел 51 сказку так буквально, как только это было возможно, стараясь добиться фотографичности образа русского сказочника, не стремясь ничего идеализировать и адаптировать. Такая переводческая стратегия отражает не только научные интересы самого переводчика как учёного и представителя Британской библиотеки, но и влияние европейской традиции перевода того времени, заложенной немецкими исследователями фольклора. На протяжении всего XIX в. Германия оставалась самой «переводящей» европейской страной. Основным принципом, которого придерживались немецкие переводчики, было возможно более точное следование оригиналу при переводе фольклорных текстов. Сборник переводов Ральстона долгое время оставался востребованным в национальной культуре как один из самых надёжных и высокоинформативных источников по русскому фольклору [1].

В 1913 г. в Россию приехал Артур Рэнсом (Arthur Ransom), писатель и исследователь, который намеревался изучать русский язык и русский фольклор. При выборе текстов для перевода А. Рэнсом руководствовался собственными литературными вкусами и выбирал сказки, которые можно было бы использовать в детской аудитории. Сборник сказок под названием «Old Peter's Russian Tales» (1916) предлагал коллекцию сказок с соответствующими вводными рассказами, знакомящими юных английских читателей со старой Россией. Стиль изложения отличался живостью, эмоциональностью, что в сочетании с иллюстрациями Д. Митрохина сделало сборник крайне популярным. Перевод А. Рэнсома выполнялся в другой культурной ситуации и был опубликован в период первой мировой войны, когда интерес к российской литературе и культуре в Великобритании был как никогда велик. Предисловие к книге сказок определяет читательскую аудиторию как прежде всего детскую аудиторию (недаром А. Рэнсом впоследствии стал детским писателем). Чтобы приблизить читателей к российской жизни и сделать повествование естественным, переводчик-составитель вводит в обрамляющих текстах вымышленного рассказчика – дедушку Петра – и первых слушателей, внуков. Рамочная структура позволяла также давать необходимые пояснения простым и наглядным образом, не прибегая к научному комментированию. Различные целевые аудитории и переводческие задачи обусловили разницу переводческих стратегий Ральстона и Рэнсома. Если первый держится как можно ближе к оригиналу, давая возможность учёным исследовать фольклорные традиции как «чужое», то второй перекраивает сказочные тексты, адаптируя их в стиле Эндрю Ланга (популярного шотландского составителя сборников народных сказок XIX в.). Имя Э. Ланга тесно связано с золотым веком сказки в Великобритании. Он сыграл ключевую роль в формировании особого стиля сказки, позволившей оформить лучшие тексты этого жанра в стандартную форму детской сказки. Это прежде всего означало, что устные повествования должны быть адаптированы в стилистике

детской английской литературы и соответствовать строгим требованиям викторианской морали. Ланг установил основные каноны перевода сказок для детей: направленность на целевую детскую аудиторию (внутритекстовый читатель), преобладание чудесной (или волшебной) сказки, единство языка и стиля, единство подхода к разным культурам (отсутствие национальной специфики сказок в переводах). Несмотря на следование канонам Ланга, Рэнсом, тем не менее, внёс свой вклад в стандарты перевода детской сказки, стараясь сохранить национально-культурную специфику оригинала [1].

Таким образом, британская традиция переводов русских народных сказок была создана усилиями двух разноплановых переводчиков, живших в разное время, в условиях меняющегося интереса к русской культуре, придерживающихся разных переводческих стратегий в соответствии со своими целями (scopus), принципами и культурными влияниями.

Влияние русской литературы на британскую литературу и культуру в конце XIX–начале XX вв. принято связывать с неутомимой деятельностью переводчицы Констанс Гарнетт (Constance Garnett). За стремлением Гарнетт перевести весь основной массив литературы русского реализма стояло желание «одомашнить» тексты в английской культуре, найти им место среди текстов ведущих британских авторов того времени [6]. Исследователь оксфордского университета Р. Бисли (Rebecca Beasley) описывает период 1880–1940 гг. как период явного увлечения русской и советской культурой в Великобритании, отчасти вызванного зарождающимися традициями модернизма. Русская литература оказала по-настоящему преобразующее воздействие на литературную и интеллектуальную жизнь Англии того времени. Этот период называют «длинным модернизмом», а интерес к русской литературе связывается, с одной стороны, с актуальными дебатами о будущем британской литературы, а с другой, – с реакцией на агрессивный советский реализм и «антимодернизм». Критики и переводчики активно обсуждали вопросы отношения к русским писателям в Англии (например, Helen Muchnic's «Dostoevsky's English Reputation, 1881–1936» (1939)), влияние русской литературы на английскую (Gilbert Phelps's «The Russian Novel in English Fiction» (1956), Donald Davie's collection, «Russian Literature and Modern English Fiction» (1965)) и др. Все эти работы объединяло утверждение бесспорного влияния русской литературы на развитие модернизма в английской литературе, особенно на романную литературу. Воздействие русской литературы на английскую культуру не ограничивалось стилистическими заимствованиями, но распространялось на концепцию модернизма как такового: взаимоотношение языка и деятельности (абстрактное и конкретное), взаимодействие писателя и его аудитории (индивид и масса), а также соотношение литературы и жизненного опыта (природа реализма). Последнее особенно существенно в свете утверждения примата опыта идеальной действительности над опытом реальной действительности как ключевой стратегии модернизма. Концепция перевода как «культурно-политической практики» (термин Л. Венути), рассматривающая переводимые тексты как вместилище в том числе социальных и политических влияний, делает его инструментом влияния и позволяет изучать не только сами литературные переводы, но и их более широкий культурный контекст [3].

Из всех писателей модернистов Вирджиния Вулф была особенно привержена «русифилии». Как следствие, её влияние на распространение русской литературы в Англии было особенно значительным. Подобная преданность русской литературе была свойственна только ещё одной современнице Вулф, Кэтрин Мэнсфилд, чей интерес однако был в основном сосредоточен на работах А. Чехова. Интерес Вулф к русской литературе подтверждается её литературными и критическими работами, равно как и её письмами и дневниковыми записями, где мы находим точные интерпретации текстов русских писателей [2]. Сохранилось только небольшое количество переводов с участием В. Вулф (три работы в соавторстве с Сэмюэлем Котелянским были опубликованы в 1922–1923 гг. в издательстве «Hogarth Press» и ещё одиннадцать, выполненных при её участии, были опубликованы там же позднее) [5]. Высокая оценка русской культуры и литературы дана в эссе «Современная художественная литература», где Вулф отмечает, что, говоря об английской литературе, нельзя не упомянуть влияния на неё литературы русской, а начав говорить о русской литературе, понимаешь, что только эта литература и стоит того, чтобы о ней говорить, что только русская литература столь подробно и пространно отвечает на вопросы о душе и сердце, позволяя их понять.

Переводческие стратегии, реализованные В. Вулф в тандеме с С. Котелянским, тем более интересны, что Котелянский основывал свои взгляды на перевод как деятельность, требующую знания языка и культуры текста оригинала, в то время как В. Вулф стремилась сделать тексты понятными англоязычному читателю, который был едва ли даже поверхностно знаком с русской культурой. В. Вулф подвергала тексты переводов Достоевского («Stavrogin's Confession» и «The Plan of "The Life of a Great Sinner"») и Толстого («Tolstoi's Love Letters») значительной стилистической обработке. Это было связано и с очевидной сегодня ролью писательницы как интеллектуального посредника между культурами, и с тем, что в начале эпохи модернизма место русской литературы в британском культурном контексте было слабо определено. Вулф стремилась подвести русскую литературу к английскому читателю как можно ближе.

Если Тургенев и Толстой (именно в таком порядке) всегда считались классикой и неизменно оставались популярными в Викторианской Англии, то Достоевский и Чехов в XX в. считались писателями нового поколения, вдохновляя молодое поколение писателей. Благодаря К. Гарнетт английские читатели и исследователи получили не только переводы Тургенева, но и 6 томов Толстого, 12 томов романов Ф. Достоевского (вышедших с 1912 по 1920 гг.), 13 томов рассказов Чехова (1916–1922) и два тома его пьес (1922–1923). Весь Толстой появился с публикацией в 1928–1937 гг. юбилейного издания в 21 томе, что было скорее данью классике, чем ответом на запрос современности. Среди востребованных в Англии новых писателей начала XX в. всегда существовала некая конкуренция, в частности, много переводили и обсуждали Горького, Арцибашева и Л. Андреева. Вместе с тем, Достоевский и Чехов также воспринимались как современники, чьё влияние распространялось на всех британских писателей и мыслителей вне зависимости от принадлежности к литературным течениям. Первый сборник рассказов Чехова появился всего за год

до его смерти, в 1903 г., а пьеса, «Чайка», была впервые поставлена в Англии шесть лет спустя в Глазго, в переводе Джорджа Колдерона (George Calderon).

Большое влияние на британскую культуру оказали переводы русского писателя-эмигранта Алексея Ремизова. Перевод писателей-эмигрантов в целом заслуживает отдельного рассмотрения (похожая ситуация наблюдается и сегодня, когда многие переводимые на Западе русские писатели фактически проживают в разных странах, по крайней мере, часть времени). Книги А. Ремизова получили распространение в Англии прежде всего благодаря усилиям хороших переводчиков и влиятельных поклонников его творчества. Жанр его работ не был знаком британскому читателю ни по английской, ни по русской литературе, они не могли бы появиться вне искусственно созданной потребности в таком переводе. А специфический язык его произведений представлял сложность и для русскоязычных читателей. Как писал один из переводчиков Ремизова, переводить Ремизова – совсем не то, что переводить Тургенева или Толстого [8]. Переводы Ремизова оказались востребованы британскими модернистами, которые смотрели на русскую литературу как на источник вдохновения. Интерес В. Вулф к русской литературе – не единственный пример возраставшего в то время осознания и принятия русской культуры в Англии. Известно, что интерес к работам Ремизова проявлял Дж. Джойс, которому импонировали такие общие для модернизма черты, как интерес к слову, яркая актуализация и мистифицирующие черты образа автора. Перевод Ремизова на английский показывает, насколько широкие круги вовлекались в процесс внедрения русской культуры в британскую: среди тех, кто способствовал тому, чтобы Ремизов стал частью британской культуры, были русские эмигранты, представители стран Британского Содружества, коренные жители королевства и те, чьи корни лежали как в русской, так и британской культуре, влиятельные деятели науки и политики. Пример создания интереса к работам А. Ремизова показывает, что именно с помощью русской литературы британская культура вывела себя за пределы изолированной страны на пространство пан-европейского модернизма.

Таким образом, появление новых переводов всегда отвечает потребностям принимающей культуры и вызывается не только личными предпочтениями отдельных её деятелей, но, главным образом, объективными социальными, политическими и интеллектуальными условиями и направлением развития культуры.

Список литературы

1. Богрданова Т.Н. Русская сказка в английской традиции перевода // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 1. С. 103–113.
2. Вулф В. Современная художественная проза // «Называть вещи своими именами»: программные выступления мастеров западно-европейской литературы XX в. / Сост., предисл., общ. ред. Л.Г. Андреева. М.: Прогресс, 1986. С. 470–476.
3. Оборина М.В. Больше переводов хороших и разных // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 4. С. 263–270.

4. A People Passing Rude. British Responses to Russian Culture / Ed. by A. Cross. Open book publishes, 2012. xvi–331 p. [Electronic resource]. URL: <http://books.openedition.org/obp/1555?format=toc> (accessed at 01.10.2015).
5. Beasley R. On not knowing Russian: the translations of Virginia Woolf and S. S. Kotlianskii // *The Modern Language Review*. January 2013. Vol. 108. № 1. Pp. 1–29.
6. Beasley R., Bullock Ph.R. Introduction: The Illusion of Transparency // *Translation and Literature*. Nov. 2011. Vol. 20. № 3. Pp. 283–300.
7. *Russia in Britain, 1880–1940. From Melodrama to Modernism.* / Ed. by R. Beasley and Ph. R. Bullock. Oxford University Press, 2013. 336 p.
8. Smith M.S. Aleksei Remizov's English-language Translators: New Material [Electronic resource] // *A People Passing Rude. British Responses to Russian Culture* / Ed. by A. Cross. Open book publishes, 2012. P. 189–200. URL: <http://books.openedition.org/obp/1582> (accessed at 01.10.2015).

TRANSLATIONS OF RUSSIAN LITERATURE IN BRITAIN: CAUSES AND EFFECTS

Marina V. Oborina

Tver State University, Tver

Russian translations in British culture always appeared in answer to particular challenges in either political or social and cultural areas. It is of particular interest that even translations of folklore tales have been caused by certain interests at work in the British culture. 'Russian library' project launched in 2015 looks to change the image of Russia in the global context and aims to close up certain gaps in Russian literature abroad.

Keywords: *translation from Russian into English, Russian literature, Great Britain, social and cultural context, Russian Library.*

Об авторе:

ОБОРИНА Марина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Тверского государственного университета, e-mail: mobor@mail.ru.